ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

Год издания 79-й. Буэнос Айрес, 7 ноября 2026 "NUESTRO PAIS" *Buenos Aires, 7 de noviembre de 2026* *No 3282*

ТАК ГОВОРИЛ ИВАН СОЛОНЕВИЧ

К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОСНОВАТЕЛЯ "НАШЕЙ СТРАНЫ"

Да, в советской истории поставлено много мировых рекордов, но уж рекорд наглости поставлен поистине всемирно-исторический. Так врать и так к этому вранью привыкнуть, как врут и привыкли ко вранью в СССР, этого, кажется, не было ещё нигде и никогда.

Девочка со льдом... В жизни каждого человека бывают минуты великого унижения. Такую минуту пережил я, когда, ползая под нарами в поисках какой-нибудь посуды, я сообразил, что эта девочка собирается тёплом изголодавшегося своего тела растопить эту полупудовую глыбу замерзшей, отвратительной, свиной, но все же пищи...

Чекист это тип человека с мозгами барана, челюстями волка и моральным чувством протоплазмы. Это тип человека, ищущего решения плюгавых своих проблем в распоротом животе ближнего своего. Но так как никаких решений в этих животах не обнаруживается, то проблемы остаются нерешёнными, а животы вспарываются дальше.

Как бы осторожно человека не учили, он от этого приобретает сквернную привычку думать.

Самоуправления, равного московскому, не имела тогда ни одна страна в мире, ибо повсюду, до середины или даже до конца XIX века всё европейское самоуправление носило чисто сословный характер.

Я отстаиваю идею русского империализма, то есть идею построения великого и многонационального «содружества наций». Нужно, наконец, назвать ве-щи своими именами: всякий народ есть народ империалистический, ибо всякий хочет построить империю и всякий хочет построить её на свой образец.

Православие есть самая оптимистическая религия мира. Православие исходит из того предположения, что человек по своей природе добр, а если и делает зло, то потому, что «соблазны».

А ничего в мире советская власть так не боится, как оружия в руке и мыслей в голове у трудящихся масс. Оружие можно отобрать. Но каким, хотя бы самым пронзительным обыском можно обнаружить, например, склад опасных мыслей?

«Оправдание революции»? Нет, нет никакого оправдания революции - ни Февралю, ни Октябрю. Нет, никаких положительных сторон ни в Феврале, ни в Октябре нет... Нет, революции нет никакого оправдания. И в ней не было никакого «народа». Была грязь, предательство, бездарность, бесчестность - немецкие деньги, английские влияния...

После великой катастрофы мы стоим перед великим возвращением в свой дом, к своему идеалу. Сейчас он загажен и замазан, заклеен лозунгами и заглушен враньём. Но он существует. Нужно очистить его от лозунгов и плакатов, от иностранных переводов и доморощенного вранья, нужно показать его во всей его ясной и светлой простоте....

Русскую государственность построили МЫ. Не немцы, татары, латыши, как это утверждает Горький и его ученик Розенберг; не князья и бояре, как это утверждают Маркс и Ленин; не Византия или Золотая Орда - а МЫ: несколько сот миллионов Иванов, прекрасно помнящих свое великое, гордое и грозное родство,...

Вторжение феодальной идеологии в Киев, шляхетской - в Москву и марксисткой - в Петербург привели нас: к татарскому игу, к крепостному игу и к социалистическому игу. Вполне вероятны какие-то очередные влияния, вторжения, философии и концлагеря. Ещё более вероятно то, что они кончатся так же, как кончились и предыдущие...

Я буду утверждать, что русский рабочий времён Царя Николая Второго был свободнее английского рабочего времен м-ра Эттли.

Старая официальная теория утверждала, что русскую историю творило русское правительство - русские цари. В моей книге я стараюсь показать, как Россия творила царей, а не цари Россию. За тысячу лет у нас были удачные монархи и были неудачные, но страна росла и ширилась при всех них.

Реакция и революция есть по существу одно и то же: и одна и другая отбрасывают назад, иногда отбрасывают окончательно, как окончательно выбросила французский народ французская революция. И реакция, и революция есть, прежде всего, насилие, направленное против органического роста страны.

Если бурный и буйный московский посад, тяглые мужики севера, низовые массы Новгорода, а в Смутное Время «последние люди государства московского» так заботливо поддерживали московских князей и царей, - то, очевидно, вовсе не потому, что - по таинственной русской психологии - были одержимы политическим мазохизмом.

Самого очевидного вывода, что московское самодержавие было создано народной массой в её, этой массы, интересе, наши историки - даже и монархические - никак заметить не могут. Бьются лбами о любые сосны: и Византия, и татарский пример, и экономические отношения, и всё, что хотите, но выхода из девственной чащи трех сосен не находят...

Православие светло и приветливо - нет в нем ничего угрюмого и страшного. Оно пол-но уверенности и оптимизма, - любовь и правда - всё равно возьмут своё.

По-видимому, никогда и нигде в истории мира инстинкт жизни не проявил себя с такой полнотой, упорством и цепкостью, как в истории Москвы. По-видимому, никогда и нигде в мире не было проявлено такого единства национальной воли и национальной идеи. Эта идея носила религиозный характер...

Принцип народоправства, проведённый до его логического конца, означает то, что нация вручает свои судьбы в руки людей, во-первых, явно некультурных, во-вторых, явно некомпетентных, в-третьих, считающих себя и культурными и компетентными. Сложнейшие вопросы современной жизни - и внешние и внутренние, выносятся на партийный разбор...

Банальная интеллигентская терминология определяет «самодержавие» или как «абсолютизм», или как «тиранию». По существу же, «самодержавие» не может быть определено терминологически, оно должно быть описано исторически: русское самодержавие есть совершенно индивидуальное явление, явление исключительно и типично русское...

Самое занятное, что в феврале 1917 года никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор.

Это всё строила купеческая Русь. Она же организовывала русскую иконопись - иконы рублёвских и строгановских писем, которые современная западноевропейская художественная критика считает высшим достижением русской живописи вообще и за которые сейчас в Америке платят совершенно сумасшедшие деньги.

Сказка о сусальной Европе и варварской Москве есть сознательная ложь. Бессознательной она не может быть: факты слишком элементарны, слишком общеизвестны и слишком уж бьют в глаза.

Историки говорят о московской грязи и об европейской чистоте. Процент того и другого - и в Москве, и в Европе сейчас установить довольно трудно. Версальский двор купался, конечно, в роскоши, но ещё больше он купался во вшах: на карточный стол короля ставилось блюдечко, на котором можно было давить вшей.

Практика всей истории человечества доказывает воочию: там, где побеждает атеизм - умирает нация.

В русской психологии никакого анархизма нет. Ни одно массовое движение, ни один «бунт» не поднимались против государственности. Самые страшные народные восстания-Разина и Пугачева - шли под знаменем монархии- и при том легитимной монархии. Товарищ Сталин с пренебрежением констатировал: «Разин и Пугачев были царистами»...

Нам нужны: достаточно сильная монархия и достаточно сильное народное представительство, причем силу той и другого мы будем измерять не их борьбой друг с другом, а их способностью сообща выполнять те задачи, которые история поставит перед нацией и страной.

В среднем случае на место президента республики попадает второсортный адвокат. Первосортный на это место не пойдет, ибо для этого ему пришлось бы забросить свою клиентуру. Правда, практика выработала известную компенсацию: бывшему президенту обеспечено место в какой-нибудь акционерной компании.

СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ

В этот проклятый день родился Троцкий (1879, 26-го по старому стилю), а в Риме в 1921 году основана Partito Nazionale Fascista (бывшая у власти до 1943). Так же в этот день в 1917 году злородные потомки обезьян русской равнины восстали против благородных потомков Адама и продолжают биться с адамическим человечеством и по сей день.

А у русских господ, славящих Господа, сегодня родительская суббота. Не забудьте, дорогие русские дамы и господа, посетить воинские кладбища Русского Корпуса, РОВС, КОНР, РОНА, РННА и РОА, а так же кладбища иностранных братьев по человечности, достоинству, вере и оружию. Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

А. Григорьев

П. Н. Краснов о нравственной основе армии Новой России

«Я был на двух войнах. Я видел блестящие конные атаки, видел людей, несущихся навстречу смерти на сытых и быстрых лошадях. Я слышал, как вдруг среди бешеного ружейного огня раздавались трели офицерских свистков, и огонь стихал. Я слышал хриплые, точно пустые голоса: «В атаку! В атаку!...» Вставали первыми офицеры, за ними стеною поднимались линии бесконечных цепей, и было такое «ура», забыть которое невозможно. Я видел солдат, идущих под неприятельские окопы, чтобы вынести тело своего любимого ротного, и денщиков, приносящих по своей охоте под градом пуль папиросы «его благородию»...

Эти строки написал, находясь вдали от Родины, генерал от кавалерии, бывший атаман Всевеликого Войска Донского Пётр Николаевич Краснов. За его плечами были учёба в Павловском Военном уУчилище, служба в Лейб-Гвардии, участие в двух войнах, в антибольшевицком сопротивлении в годы гражданской войны. За ним была слава создателя необычного казачьего Донского государства, которое должно было стать в будущем «ядром» возрождающейся после победы над большевиками России. И немаловажное место в деле возрождения России, по мнению Петра Николаевича, должна занять армия, организованная на лучших традициях старой Императорской Армии.

Вера, Царь и Отечество - вот источники силы Русской Императорской армии. Пётр Николаевич «проводит» читателя через победы и поражения родной его сердцу армии, не приукрашивая действительность и не утаивая недостатки, но на первый план выводя Русского Воина - солдата, офицера или генерала, тех, кто с оружием в руках добывал славу Отечеству.

Находясь в эмиграции, на страницах своих книг П. Н. Краснов размышляет о том, каким должно быть Русское Государство после освобождении от большевизма, и какой должна стать новая Русская Армия.

Без прикрас описывая жизнь разных слоёв русского общества на рубеже XIX - XX веков, Пётр Николаевич отмечает несколько черт, которые определяли силу старой Императорской Армии, и насильственный отказ от которых привёл к Катастрофе и в армии, и в государстве.

Прежде всего, силу старой армии Краснов видел в её аполитичности. «Великой молчальницей» называли армию, ибо закрыта была она для политических партийных дрязг. Перед простым солдатом и заслуженным офицером стояла одна задача: охранять в неприкосновенности рубежи государства, быть верным Присяге законному Государю и быть готовым в любой момент встать на защиту Отечества. Офицер не имел права состоять ни в какой партии, а принадлежность нижних чинов к какой-либо партии пресекалась самым жёстким образом. «Государство и служение Государю покрывало все партии. Государство было над-партийно и сверх-партийно, и армия служила действительно Государству».

Русская армия представала всегда перед своими союзниками и противниками на поле брани, перед населением занимаемых городов и стран как христолюбивое воинство.

«Я видел, - писал Пётр Николаевич, - как наши солдаты кормили пленных, перевязывали их раны и разговаривали с ними, жалея их...»

Рождённый в обстановке «пропитанной» Православной Верой обычной крестьянской среды, среди украшавших красный угол бабушкиных икон, лампад, русский солдат и в казарме встречал такие же проявления глубокой Веры и покорности воле Божией, что скрашивало ему тяготы военной службы. Уверенности прибавлял пример офицеров - в большинстве своём носителей крепкой Веры в Христа. Офицеры и простые солдаты были равны перед Богом.

В своих книгах Краснов представляет весь спектр офицерского корпуса Русской Императорской Армии - разного происхождения, разных характеров и взглядов на жизнь и на перспективы службы.

Армия объединила в своих рядах и представителей старинных аристократических родов и выходцев из простых крестьян. «В Императорской Армии не спрашивали про предков, не спрашивали, какого ты сословия, не требовали никакой политической подготовки... Там спрашивали только научную, служебную и строевую подготовку. Требовали только усердия к службе и любви к солдату».

За плечами офицеров была учёба в военных учебных заведениях: кадетских корпусах, в Павловском, Михайловском, Александровском, Николаевском и иже с ними военных училищах. И как венец подготовки военной элиты России - Николаевская Академия Генерального Штаба.

В военных училищах не делали «солдафонов» с узким кругозором. Напротив, выпускники обладали всем спектром навыков и умений, позволяющим сделать блестящую военную или гражданскую карьеру, по праву могли называться элитой общества.

В 1917 году тысячелетняя Россия перестала существовать. Катастрофа готовилась исподволь, десятилетиями проникая во все слои российского общества, готовя «почву» для предательства в феврале и открывая путь к октябрьскому захвату власти большевиками. Позже из-под пера Петра Николаевича выйдут романы, в которых он, будучи свидетелем и непосредственным участником описываемых событий, назовёт причины Катастрофы, её непосредственных виновников.

В романе-эпопее «От Двуглавого Орла к красному знамени» перед читателем встают образы людей высшего света. К сожалению, в трудные для Империи времена многие из них отвернулись от Государя и Августейшей Семьи, пойдя на прямые под-лог и предательство, забыв про честь, достоинство клятву верности Помазаннику Божьему.

Мысль об охватившем все слои российского общества «угаре» от либеральных, революционных, антирусских по сути своей идей Краснов продолжил в романах «Опавшие листья» и «Понять-простить», показав «что дала «великая, бескровная революция» самому настоящему пролетариату».

Не снимая ответственности за произошедшее с Россией со всех слоёв общества - от высших сановников до простых рабочих, крестьян и казаков - Пётр Николаевич прямо называет идейных «наставников» доморощенных «борцов за свободу и счастье народа». Западные антирусские идеи, эта смесь воинствующего материализма, напрочь отрицающего христианство, с набирающим популярность ницшеанством с его идеей «сверхчеловека», быстро распространились в умах российских обывателей. «Жидо-масонский заговор», о котором часто пишет писатель, никогда не достиг бы своих целей по разрушению России, если бы оставалась сильной в сердцах и душах её граждан Православная Вера.

Главный удар разрушителей России был нанесён по Императорской Армии. В момент, когда так необходимо было сплочение всех здоровых сил вокруг Престола, а армия вела бои на фронтах Великой Войны, она могла стать единственной силой на пути врагов Отечества. Расшатать армию было первостепенной задачей: она, страдая пороками старого русского общества, вместе с тем в своей основной массе... своей обильной кровью искупала грехи верховной власти, правительства, народа и свои.

Проникновение вражеских агитаторов в окопы и казармы запасных полков, слабость офицерского состава, к 1917 году обновлённого едва ли не на две трети, к тому же, развращённого либеральной демагогией, общее падение Веры в армейской среде сделали своё дело. С горечью позже П. Н. Краснов напишет: «Я видел страшную, ужасную, но всё же христианскую войну, где гнев перемежался с жалостью и любовью... И потом те же люди издевались над своими начальниками, убивали их из пулемёта, расстреливали пленных...»

Рисуя ужасные картины всеобщего грехопадения, Пётр Николаевич Краснов всё же не оставлял надежды на здоровые силы в обществе.

Описывая кошмар гражданской войны, он напрочь отвергает сам термин «братоубийственной войны», тем самым веря в оздоровление одурманенных идеями и лозунгами «жидо-масонского III Интернационала».

Этому посвящён его роман «Единая-Неделимая», в котором он пытается найти пути из того тупика, куда загнали ненавистную им Россию и народ, её населяющий, Ленин и Ко. При этом писатель предостерегает от радужных надежд на помощь «коллективного Запада», который действует всегда только из своих интересов.

Надежда на возрождение России - только на многострадальный русский народ и здоровые здравомыслящие силы в эмиграции, и на население Советской России. По обе стороны границы, по мнению автора, есть силы, способные к объединению в общей борьбе против власти коммунистов.

Успех мвященной борьбы за освобождение поругаемого коммунистической властью Отечества Краснов-писатель видит в возвращении к традиционным ценностям, которые складывались столетиями и были основой российской государственности - незыблемости православной Веры, восстановлению власти Самодержавного Монарха как гаранта незыблемости основ Государства Российского, полный запрет политических партий как способа манипуляции общественным сознанием.

Особую роль в восстановлении исторической России Краснов отводил новой Российской Армии - армии, построенной не по классовому принципу, как Красная Армия, а на принципах верности идеалам Отечества. Здесь Краснов-писатель уступает место Краснову-политику, Краснову-военачальнику. Будущая Русская армия должна продолжить традиции Российской Императорской Армии, и «двери» в эту новую армию должны быть открыты для всех - и для бывших «белых» солдат и офицеров, избавившихся от ненависти времён гражданской войны, и для бывших красноармейцев и «краскомов», добровольно отказавшихся от коммунистических идей. Прежде всего, будущая армия должна вернуться к своей аполитичности.

Отечество - вот та единственная «политическая партия», которая должна владеть умами всех, от рядового солдата до генерала. Принцип, которому веками была верна армия исторической России.

За основу подготовки рядовых солдат и офицерского состава возрождающейся армии должна быть принята система, имевшая место в Российской Империи, с её преемственностью военных учебных заведений, с ежедневной заботой о моральном духе и боевой подготовке солдата.

Взгляды Петра Николаевича Краснова, какими бы утопичными не выглядели они из XXI века, остаются актуальными и сейчас, когда новые вызовы стоят пред Россией и её народом, неотъемлемой частью которого является армия.

Возвращение исторической правды о славных сынах России и её армии, возвращение к традициям, что складывались на протяжении веков и были оболганы в угоду политическим демагогам - основа основ возрождения силы и славы Государства Российского.

Дмитрий Филипчук

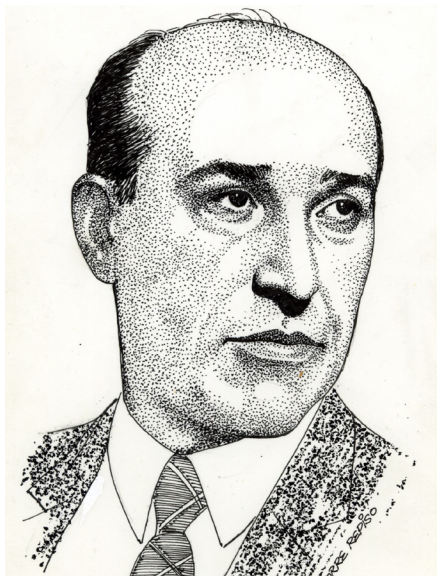
Волею Божией 7-го ноября с. г. в Буэнос Айресе, на 94-ом году жизни, скончался неустанный труженик, долголетний староста Свято-Сергиевского храма в Вижа Бажестер, последний кадет 1-го Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса, верный сын Исторической России

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ФЕНЕНКО

о чём с прискорбием сообщает редакция "Нашей Страны" и приносит своё искренное соболезнование семье покойного, отцу настоятелю и всем прихожанам. Вечная память и вечный покой !

УБИТЬ МОЖНО, КУПИТЬ НЕЛЬЗЯ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ВСЕВОЛОДА КОНСТАНТИНОВИЧА ЛЕВАШОВА-ДУБРОВСКОГО



Скончавшийся 13 ноября 1966 года Всеволод Константинович Левашов-Дубровский был на протяжение 13-ти лет редактором-издателем «Нашей Страны», а до этого исполнял ту же роль в других, довоенных изданиях Ивана Солоневича. В годы Гражданской войны он сражался против красных как офицер Лейб-Гвардии 2-й Артиллерийской Бригады Добровольческой Армии.

В годы Второй Мировой был на службе в Болгарской Дирекции Пропаганды, ведая отделом по борьбе с коммунизмом и сотрудничая в болгарских изданиях до самого последнего момента перед занятием в 1944 году Софии советскими войсками. При приближении Красной Армии ему пришлось покинуть Софию. В ноябре 1945 года «Народный суд» вынес ему заочный смертный приговор за его антикоммунистическую работу. (Именно тогда он переменил свою фамилия Левашов на фамилию родного дяди, Дубровского).

В это время он уже был в Австрии, где прожил три года в лагерях «Ди-Пи». Там женился на Татьяне Владимировне Киреевой.

С 1940 года связь между Дубровским и Солоневичем не прекращалась, сначала письменная, а затем, после переезда Дубровского в Вену, и личными наездами в Восточную Пруссию, куда писатель был интернирован. Окончание войны их разделило, так как Дубровский попал в Зальцбург, но обмен письмами продолжался, и, имея полную возможность выехать в США, Дубровский предпочёл Аргентину только потому, что туда намеревался переселиться Солоневич для продолжения издательской деятельности.

В одном из первых же номеров «Нашей Страны» Солоневич обещал читателям, что с приездом Дубровского все технические неполадки будут устранены и газета наладится. Так оно и произошло.

Выпустив в Буэнос Айресе первые 50 номеров «Нашей Страны» двухнедельно, Солоневич, по настоянию Дубровского, перешёл на еженедельные выпуски газеты, причем вся тяжесть работы легла на В. К. Дубровского. Живя вместе с Солоневичем в 44 км от аргентинской столицы, в местечке Дель Висо, Дубровский занимался газетой вплотную, начиная от метранпажирования, что давало экономию при выпуске каждого номера в 60 песо (тогдашних три доллара!), до её рассылки.

Поначалу дела газеты шли плохо: не было никаких денег. Дубровский стал налаживать самую важную часть дела — распространение, ибо получалось так, что газета шла неизвестно куда — по устаревшим, довоенным адресам подписчиков — и не давала никакого притока средств. Каждый номер висел на волоске. А если только один номер не вышел бы к сроку, сразу могло пропасть доверие публики к тому, что газета действительно будет выходить регулярно.

После высылки Солоневича в Уругвай аргентинским правительством, Дубровский умножил свои усилия дабы ограничить задиристые антидворянские "перегибы" Ивана Лукьяновича, наносящие большой вред газете.

Шестого января 1951 года он ему писал: "Как Ты уже видишь из полученного Тобою № 61, статью "Младороссы номер два" я не пустил. Я просто не считаю возможным давать её в печать. Там снова слишком много Чухнова, к которому сильно ещё примешан Белосельский-Белозерский и пр. Она снова всколыхнула бы то, что пока лучше не трогать. Я думаю, вообще о том, что всё, что надо сказать на эту тему можно издать отдельно, - хотя бы и на ротаторе. Отдельной брошюрой. Не подумай только снова, что тут роль играют какие-то "существующие между Тобою и мною политические разногласия". Откуда Ты их вдруг, на 15-ом году совместной работы, выкопал? Никаких разногласий между нами нет. Есть стремление к различной тактике – и только. И это стремление отнюдь не связано с темь что "я родился дворянином"! Моё глубокое убеждение заставляет меня считать, что лучшей тактикой в отношении "пузырей потонувшего мира" является категорическое от этих пузырей отмежевание, предание их забвению и постоянное, упорное утверждение того, что будущая монархия отметает начисто все сословные привилегии. Было дворянство? Было. Но его больше не будет. И следовательно, к чему же развивать всю эту бесконечную полемику, к чему гальванизировать труп, вместо того чтобы его похоронить? Ведь Ты сам – больше всего остального – сыграл главную роль в том, что Чухновы и присные почувствовали себя силой. Ты говоришь, что большинство новой эмиграции вернётся в Россию в качестве антимонархических агитаторов. Я с этим не согласен".

Но Солоневич не унимался. Однако, споря с Дубровским, Иван Лукьянович тем не менее в душе своей очевидно признавал его правоту. Ведь когда Солоневич был выслан в Уругвай, руководство газетой он возложил именно на Дубровского, а не на своего сына Юрия (тот переехал в США лишь год спустя). Да и с переездом Юрия в США Солоневич не перенёс туда издание «Нашей Страны», что он мог спокойно сделать, поручив редактирование сыну — расстояние не играло никакой роли. Однако он на это не пошёл, потому что знал, что газета находится в надёжных руках.

Впрочем, Иван Солоневич дальше старался гнуть свою "антидворянскую" линию, отталкивая сотрудников и читателей. Например, в августе 1951-го Дубровский с грустью отмечал длительный перерыв в корреспонденциях С. Л. Войцеховского для газеты и боялся, что тот приведёт в исполнение сказанное им, что "если И. Л. будет обращать свои стрелы против монархистов – каковы бы они ни были, я сотрудником больше не буду".

Всеволоду Константиновичу очень не хотелось полемизировать с Солоневичем на тему о своей осторожности и «линии, которая с абсолютной неизбежностью гарантирует медленное умирание газеты» и которой Солоневич противопоставлял свою «линию», в результате которой он предвидел, что газету могут «окончательно прихлопнуть».

Иван Лукьянович совершенно напрасно обвинял его в излишней осторожности и в боязни риска. Это было не верно. Риска Дубровский не боялся и всегда был готов на него идти (Солоневич имел уже доказательства этому в Софийский период существования газеты, когда Дубровский подвергся нападению и чекистами была прислана бомба в редакцию газеты "Голос России"). Но он совершенно категорически хотел знать и чувствовать, что риск этот оправдан. При такой постановке вопроса он готов был взять на себя и нести ответственность, отнюдь не прибегая к тому, совершенно утопическому впрочем, способу её вести, который предлагал Иван Лукьянович - «нанять какого-нибудь аргентинца по паспорту и дать ему за это сто пезо в месяц».

Дубровский совершенно не обосновывал своё стремление изменить тон газеты «страхом перед декретом». По его убеждению тон Солоневича, против которого он восставал, привёл к декрету о высылке, и самое для него грустное в этом событии было то, что этот тон не только не принёс никакой пользы тому делу, которое Солоневич служил, но нанесло совершенно ясный ущерб и его престижу и - косвенно - всему тому, что им до этого было сделано и в разработке идеи Народной Монархии и в смысле завоевания «душ».

Кстати, о декрете высылки из Аргентины. Дубровскому было известно, что против Солоневича ведётся какая-то работа со стороны непримиримых врагов, использующих все возможности для того, чтобы - оставаясь в тени - чужими руками нанести удар.

Иван Лукьянович не придавал этому особого значения, так как не видел и не чувствовал, какими путями эта борьба велась. В результате, его пригласили в соответствующее учреждение аргентинского министерства Внутренних Дел, где и заявили, что в их распоряжении имеется очень большое количество доносов на Солоневича, рисующих его деятельность как отрицательную и создающую нездоровую атмосферу в русской колонии Буэнос Айреса, вследствие чего и предложили ему страну покинуть. Спорить не приходилось и Солоневич выехал в Монтевидео. Это были реальные факты. Всё остальное было в области предположений и догадок.

В сущности были две гипотезы. Либо это дело Москвы, либо, действительно, всё произошло лишь под давлением этих доносов, исходивших от самых различных кругов русской эмиграции (от монархиста-легитимиста Сахновского до анархо-меньшевика Чоловского), что чести ей, конечно, не делало.

Видя, что вся русская колония настроена против Солоневича и считает его человеком, вносящем смуту в жизнь эмиграции, соответствующие органы предпочли от такого беспокойного человека освободиться - вполне логичное решение, если принять во внимание, что их интересовало прежде всего спокойствие в собственной стране.

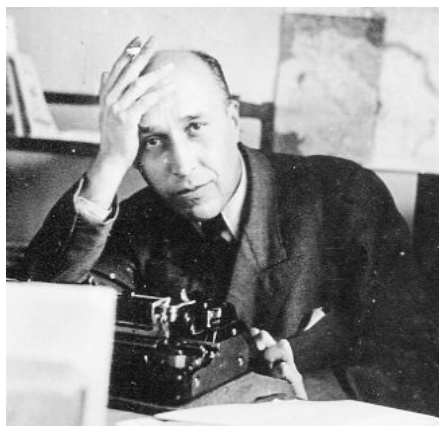
Для Дубровского самой насущной задачей стало сохранение газеты. Он должен был сделать газету как можно живее и разнообразней, дабы компенсировать вынужденную перемену тона.

Всеволод Константинович прекрасно понимал, что Солоневич не мог примириться с мыслью о том, что кто-то может думать, что «им» удалось зажать ему рот, но никак не был согласен с тем, что свой престиж он мог поднять, продолжая старую линию газеты.

Дубровский писал Солоневичу в Уругвай: "Я нисколько не хочу и не могу отрицать того факта, что газета держалась яркостью и смелостью. Но я не согласен с тем, что Ты говоришь о возврате к стилистике софийского «Голоса России», которому Ты противопоставляешь «жвачку Нашей Страны». Дело не в стилистике. Дело в том, что «Голос России» был нов и свеж со всеми своими темами, а в "Нашей Стране" те же темы превратились в «жвачку». Нашим старым читателям они уже прекрасно известны, для них темы о РОВСе и о «пузырях потонувшего мира» уже надоели, а для «новых» эти темы не интересны и чужды. То же ценное, самое ценное и самое нужное, в «Нашей Стране»: идея народной монархии, её истоки и её возможное будущее кажутся Тебе не стоющей темой, так как Ты говоришь, что «если нельзя писать о РОВСе, демократиях, социалистах, солидаристах, дворянах, Чухнове, то это означает, что нельзя толком писать ни о чём стоющем». Я убежден, что Ты так не думаешь. Прежде всего потому, что ни РОВС, ни Чухнов не являются стоющими темами, а затем потому что Ты прекрасно понимаешь, что и о демократиях, и о социалистах и о солидаристах и можно и нужно писать. Нужно критиковать и одно и другое и третье. Вопрос только в том, как критиковать? Можно критиковать программу, а можно писать так, как писал Ты".

На Солонечича было влиять весьма трудно, а то и невозможно. Все усилия Дубровского в "борьбе" с ним, если и принесли кое-какие плоды в деталях – основной линии его не изменили, даже и не сгладили извилины этой линиии, с которыми Дубровский был никак не согласен.

Благополучному существованию газеты весьма значительно помогали те статьи и корреспонденции, которые Дубровский помещал на страницах газеты, кроме



так сказать “обязательного” материала, каковым являлись статьи Ивана Лукьяновича.

В этом материале видное место занимали корреспонденции опытного журналиста и общественного деятеля, бывшего члена Кутеповской Боевой Организацции С. Л. Войцеховского.

Сему последнему Дубровский жаловался в письме от 2.3.1951: “С ним работать очень трудно. Никто не знает каких усилий, неприятностей и какой переписки с И. Л. стоит мне тот уровень на котором я стараюсь удержать газету. Зная, что «Я» Ивана Лукьяновича пишется всегда с большой буквы, можно себе представить, с каким трудом он примиряется с моим «красным карандашом», выправляющим его статьи”.

Дубровский был, в сущности, совершенно одинок: как в своём стремлении определить правильную линию и «Нашей Страны» и всего Народно-Монархического Движения, так и в практическом её проведении. Все его«ближайшие» сотрудники далеко не всегда помогали ему в этом,

Он также считал, что ничего, кроме фамилии у Бориса Солоневича с Иваном Лукьяновичем общего не было. Относился к нему резко отрицательно, о чем ещё в 1938 году сказал ему прямо в глаза. Поэтому Левашов-Дубровский, закрывший для Бориса страницы «Нашей Страны» и после смерти И. Л., как они были закрыты и при его жизни – был для “бывшего брата” бельмом в глазу, и поносил он Левашова и газету везде, где тому представлялся случай.

Вообще, после смерти Солоневича, иные сотрудники стали нападать на Дубровского, стремясь к дележки славы и прибылей (мни-мых). У иных, в каждом слове надутого патриотизма, сквозила скрытая ревнивая жажда играть первую роль.

Однако русская общественность поддержала Дубровского, а не их. Всеволода Константиновича особенно огорчало поведение Юры Солоневича, поступавшего совсем как ребёнок. Несмотря на отдельные талантливые статьи, как общественно-политический деятель он не проявил ни воли, ни настойчивости, и еще меньше выявил свое лицо, как ближайшего помощника и правопреемника Ивана Лукьяновича. Он несомненно был любящим сыном, но легкомысленным и бесплодным.

Дубровский же отличался огромной трудоспособностью. Жаловался, что времени не хватает, несмотря на то, что вставал ни свет - ни заря, целыми днями ни о чём другом, как о газете и обо всём с издательством связанном, не думал. Всё, что можно было переложить на супругу, Татьяну Владимировну - переложил. Почти не бывал в городе - все поездки на почту, в типографию и прочие, где не требовалось его личное присутствие, лежали на ней, как и другие заботы: экспедиция, переписка статей (почти всё приходилось переписывать для типографии, как в будущем переписывал я все статьи В. Рудинского и некоторых других авторов). При эцспедиции им помогала г-жа Баумгартен (как до высылки Солоневича в Уругвай помогала его жена Рутика) и газеты по городу и на почту развозил её сын. Всё остальное - распределённое между супругами Дубровскими - дальнейшему «разукреплению» не поддавалось.

В последние годы жизни Солоневича - в Уругвае – его жена, немка Рутика, отдала себя целиком уходу за ним, а после его смерти - оставшись совсем одинокой - пережила большую трагедию. Она потеряла сразу и мужа, и какую-то точку опоры в том пространстве между двумя родинами, в котооом она жила в последние годы, потеряв свое немецкое отечество и не найдя, в сущности, нового - русского.

В течение личного знакомства с ней четы Дубровских, продолжающегося около полутора лет, у них особо дружеских отношений не создалось. Тем не менее, Дубровский продолжал оказывать ей материальную помощь в размере 50% той суммы, которую он с женой имел на жизнь от газеты.

Фрау Рут появилась на жизненном пути И. Л. в Померании. До этого появления она была женою, а затем вдовою немецкого летчика, погибшего в России. Солоневич говорил, что он совершенно изменил её психологию и «обратил» во врага нацизма, доказав ей близость этих двух режимов. Так же, а Померании они вероятно «зарегистрировали” свой брак. Против желания сына Юры, с которым у И. Л. на этой почве были серьёзные недоразумения.

Надо отдать ей справедливость, став женой Солоневича, фрау Рут сочла своим долгом сделаться русской и не только русской, но и женою такого большого по-литического деятеля, каким был Солоневич. Она старалась сделать всё возможное для этого: с большим напряжением и трудом одолела русский язык, причем научилась не только читать и говорить, но и писать; старалась всеми силами понять сущность народной мо-нархии, всю возню эмигрантских партий и союзов, словом пыталась стать примерной и достойной женой И. Л. Само собой разумеется, что осилить эту программу полностью ей не удалось.

Разобраться а эмигрантских политических вопросах вообще было трудно, а подходя к ним с немецкими масштабам и немецкой душой - и вовсе невозможно. Так что, в результате этого опыта фрак Рут и русской не стала и в какой-то степени от немцев отошла.

Всеволод Константинович Левашов-Дубровский всегда вёл себя независимо, шёл своей дорогой прямо и честно. Никакой договоренности ни с кем у него никогда не было и быть не могло. «Наша Страна» никогда не выражала мнений, внушенных кем-то. Он имел полное право повторить слова Ивана Лукьяновича: «меня можно убить, но купить нельзя».

Николай Казанцев

КИТАЙСКИЙ КОММУНИЗМ В ЭПОХУ ГЕНОМИКИ

Китайцы не отказались от коммунизма в пользу свободного общества.

Коммунистическая Партия Китая по-прежнему руководящая и направляющая, и безальтернативная, а сейчас там просто НЭП, который при первой же возможности будет свернут, потому что противоречит базовым ценностям и программе КПК. Как же будет выглядеть китайский коммунизм в эпоху Геномики?

В общем-то, это видно уже сейчас по массовым закрытиям по всему Китаю школ для одарённых детей и преследованием частных учителей, а так же их нанимателей, прекращению финансирования целого ряда важнейших генетических исследований, которые доказывали природное человеческое неравенство у целых рас, народов, социальных групп, а так же исследований в области наследственности и влияния человеческой селекции.

Большой проблемой всех коммунистических деспотий является тот факт, что через несколько десятилетий после тотального аристоцида и приведения всего населения к образу ханьского колхозника в ватнике и ушанке с полтура выпрямленными извлинами прямо под ней эти подлые вумники-очкарики с узкими для монголоидов скулами, распрямленными эпикантусами и правильными, осмысленными чертами лица, эти биологические враги трудового ханьского народа начинают снова размножаться, а затем захватывать ВУЗы, школы и собирать там себе подобных, воспроизводить и культурно самих себя. А это уже культурно-биологическая угроза монолитно-колхозной по своей генеалогии и идеологии КПК.

Геномика по-ханьски ограничится, разумеется, выведением стокилограммовых бройлеров и сортов риса высотой метра два. А благополучные человеческие гены, способные дать Китаю гениев, они будут закупать у Америки и Европы за золото, как в свое время за золото закупали заграницей предварительно истребленных по всей стране воробьёв. Умники всё же даже коммунистической стране потребны, просто не в качестве национальной элиты, а в качестве эксплуатируемых в закрытых поселениях и шарашках рабов.

А. Григорьев

ПУТИН И МАСОНСТВО

Константин Рубахин - общественный активист, живёт в Риге, где открыл музей мирового масонства, собрав в личной коллекции десятки уникальных предметов, связанных с деятельностью “братьев”.

“Когда мы видим в одной ложе генерала и художника, мы понимаем, что они не могли не общаться, – говорит Рубахин. – И мы можем увидеть, как складываются связи между людьми, как через эти связи развивается история”.

Рубахин, как он сам признаёт, тоже масон. Он собрал старинные фартуки, медали, документы с подписями политиков, книги и рукописи - более 1500 объектов.

В рижской экспозиции рядом с книгами эпохи Возрождения лежат ритуальные фартуки с наугольниками, циркулями, колоннами, солнцем и луной, на бумажных дипломах проступают имена, печати, сложные иерархии посвящений.

По его словам, у масонов есть два запрета. “Первый, если я говорю о себе, пожалуйста, все могут говорить. Если я не говорю, никто не может рассказывать, что я масон, даже если знает. Второй – разглашение деталей ритуала. Это главная тайна масонства”.

В 1822 году Царь Александр I запретил в Российской Империи ложи и другие тайные общества.

После Французской Революции аббат Огюстен Баррюэль в многотомных «Мемуарах по истории якобинства» (1797–1798) объяснил падение монархии согласованным заговором философов и масонов. Он писал, что вольнодумцы-философы с масонами замучили короля Людовика XVI. В августе 1806 года Баррюэль получил письмо, подписанное именем Симонини. Автор утверждал, что масонство и иллюминаты – орудия еврейского заговора. В печати письмо появилось лишь в 1878 году. Французский публицист Эдуар Дрюмон в книге «Еврейская Франция» (1886) считал еврейское происхождение масонства очевидным фактом.

Нацистская Германия запретила масонство. Современная РФ, говорит Рубахин, пошла другим путем: “Гитлер уничтожал масонство, а Путин – присвоил”.

Великую ложу РФ много лет возглавляет Андрей Богданов, политтехнолог, участник президентских выборов 2008 года. Богданов не скрывает собственного масонства, а в интервью 2026 года рассказывал о десятках лож в РФ.

Рубахин говорит, что все масоны Российской Федерации контролируются сейчас администрацией Владимира Путина.

Е. Фокин

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 Иваном Лукьяновичем Солоневичем.
Редактор: Николай Леонидович Казанцев.
Э-адрес: kasanzew@gmail.com Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты.
Сайт газеты: https://nashastrana.net